

Евгений Шалашов

АДВЕНТЮРА НАЕМНИКА

Солдат всегда мечтает стать генералом, оруженосец — рыцарем, а принц — королем. Но из любого правила бывают исключения. Двадцать лет назад юный граф д'Арто просто не вернулся домой. А в отряде «псов войны» появился наемник Артакс. Он служил под знаменами всех королей, сидел в осадах и защищал города, пережил почти всех своих врагов и давно стал легендой. Его трудно убить. Еще труднее — обмануть. Но даже опытного наемника можно предать...

**Бей первым
и надейся на лучшее...**

Евгений Васильевич Шалашов
Адвентюра наемника
Серия «Хлеб наемника», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Приключения Артакса, ставшего титулованной особой, продолжаются. Ему опять предстоит исполнить приказ (или просьбу?) герцога. Но исполнить просьбу может только наемник Артакс, но не граф Артакс фон Йорген.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	28
Глава четвертая	42
Глава пятая	54
Глава шестая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Евгений Шалашов

Книга пятая.

Адвентюра наемника

Глава первая

Скучные будни

Зимой здесь скучно. Конечно, зима здесь совсем не та, что в древлянских землях, откуда родом моя достопочтенная матушка, и не та, что на севере Швабсонии, но в Силингии тоже бывает холодно, выпадает снег.

Я иной раз жалел, что не отправился в столицу творить суд и расправу над заговорщиками, пытавшимися сменить на герцогском престоле фон Силинга, но там справились и без меня. Кого-то отправили на плаху, кого-то в ссылку, а вместо Римуса, прежнего начальника стражи, герцог назначил капитаном славного рыцаря фон Шлангебурга. И я, почему-то, этому нисколько не удивился. Малый двор принца Вилфрида пока подождет, а самому Высочеству нужен такой начальник – не очень умный, но верный, надежный, а самое главное – не имеющий связей среди здешней аристократии. Возможно, на роль капитана дворцовой стражи, я по-

дошел бы еще лучше, но мне лень. Это же нужно отрывать задницу от удобного кресла, выходить из любимой библиотеки, куда-то ехать. Нет уж, мне и здесь хорошо. И Курдула готовит отменно. Вон, по приготовлению печени она настоящая мастерица – и оладьи, и паштеты, и просто, жареная под соусом.

В общем-то, все при деле. Его Высочество Дометрий правит, его двоюродный дедушка по материнской линии, Габриэль фон Скилур либо пьянствует, либо чародействует, что для него почти одно и то же, а юный наследник престола основывает первую в герцогстве школу, мечтая создать университет. Он уже приглашал меня стать первым профессором, заведующим какой-нибудь кафедрой, я обещал подумать и, коли смогу, то непременно приеду. Если бы принц знал меня чуточку лучше, то понял бы, что мое «постараюсь», на самом-то деле означает, что меня в его учебном заведении не будет. Вот, если бы я сказал – непременно буду, пришлось бы разбиться в лепешку, но выполнить обещание.

И здесь, в моем новом доме, тоже все при делах. Кэй-трин, наплевав на холод, приводит в порядок свое имение, уже наняла мастеров-гномов, чтобы научили пейзаж братья за кирку с правильной стороны, и определилась с покупателями. Курдула кашеварит, а старый Томас возится на конюшне. Правда, ему уже трудновато самому с лонжированием, но моему Гневко это не нужно, сам справляется, а для кургузого и прочих наняли специального паренька.

Один я, вроде бы, не у дел, но мне положено, я хозяин. Хочу – всю ночь книжки читаю, каву пью, доспехи полирую, коллекционные мечи привожу в порядок, а днем сплю, но можно наоборот. Мечта любого наемника, отслужившего по контракту хотя бы год.

В декабре, когда мороз сковал реку и пейзаже предпочитают ходить по льду, а не тратить фартинги на мостовой сбор, мой мостоблюститель решил жениться. Видимо, уговорил-таки невесту и собрал достаточно медяков для свадебного подарка. Свадьба – дело хорошее, да и мужики перестанут жаловаться, что девки бегают к шойзелю «поболтать». Ага, поболтают, а через девять месяцев на свет божий появляются такие здоровые младенцы, что диву даешься – а как вообще-то мамка умудрилась такого родить, и не разорвалась? Нет, пейзаже не против младенцев – глуповаты, правда, зато работники из них отличные, соседям на зависть. А к некоторым вещам, вроде девичьей чести, здесь отношение простое, я бы даже сказал, деловое. Невинность, так что от нее толку, а вот справный работник – совсем другое дело. Потому, девицу, что «принесла в подоле», в жены брали охотно.

А тут еще свадьба шойзелей. Вы только подумайте – ко мне явилась невеста моего мостостороителя и мостоблюстителя Дыр-Тыра и заявила, что как хозяин поместья и владелец моста, я должен обеспечивать их гостей пивом. Нет, шойзелиха не требовала, чтобы я сам тратился на пенный напиток, деньги у нее есть, целый мешок медяков, но с трак-

тирщиком должен договориться. Она сама ходила, но видите ли, деревенский трактирщик, такая сволочь, что при ее появлении куда-то спрятался вместе с прислугой, а в город она идти постеснялась.

Я понимаю трактирщика. Будь у меня нервы послабже, сам бы спрятался. Нет, Дыр-Тыр вполне себе ничего. Ну, подумаешь, выше меня на две головы, сам шерстяной, но это и хорошо – на одежду не нужно тратить, а «хозяйство» прикрыто фартуком. А вот его шойзелиха! Даже в местах, где народ трудно удивить всякими странными и мифологическими существами – вон, богомолы-переростки занимаются ростовщичеством, домовые шастают среди бела дня, а гномы спокойно привозят в город сыр собственного производства, невеста Дыр-Тыра впечатление производила... Да, производила. Покрупнее будущего супруга, раза в два волосатее. Сразу же заявила, что называть ее следует Та-Ча-На, а никак иначе. Чувствую, что в отличие от Дыр-Тыра, имя невесты придется запомнить, потому что она не в пример свирепее и обидчивее жениха, а ссориться с крупной женщиной, даже если она шойзелиха, себе дороже.

Значит, Тыр-Дыр (тьфу, он же Дыр-Тыр, вечно путаю), собирал для невесты медяки лишь для того, чтобы та потратила их на пиво? Ну и ну. Что ж, у каждого существа свои обычаи, и не мне учить шойзелей традициям. Во всяком случае, пришлось отправлять Томаса в Урштадт. Старик потом со смехом рассказывал, как причитал пивовар, отделяя гро-

шки Ботэна от фартингов Силингии, а пфенниги Швабсонии от моравских датов, но ни от одной монетки отказываться не стал, а потом приказал прислужникам отправить к мосту четыре подводы, груженные пивом.

Но сама свадьба шойзелей удалась на славу. Судя по воплям, там собралось не меньше сотни гостей – шерстяных и здоровых, а позже туда подтянулись и человекообразные. Пейзане любят пиво, а на дармовщинку оно вдвойне вкуснее, а кто наливает, какая разница? Речка из берегов не вышла, уже хорошо, но лед теперь на полмили желтый. Надеюсь, свежий снежок выпадет, все присыплет.

Свадьбу Дыр-Тыра и Та-Ча-Ны сыграли, теперь бы о собственной думать, но как всегда, нашлись обстоятельства, помешавшие церемонии. Наш патер, отремонтировавший крышу (заметим, на мои деньги!), решил наложить на меня очередную епитимью, включавшую запрет на посещение храма в течение полугода. Он, разумеется, прибегал извиняться, объяснял, что иначе нельзя, уважение среди прихожан потеряет. А дело-то выеденного яйца не стоит: из дальних странствий вернулся Аспринус Цинек, объявленный мертвым. Вернулся и вернулся, и слава богу, женился бы на своей собственной вдове, но дело в том, что его благоверная обзавелась новым мужем. Вопрос – а что теперь делать? Эвельтина, его жена, никаких законов не нарушала, а Упенекс, новый муж, искренне верил, что вступает в брак со вдовой. По закону, ежели первый муж «воскресает из мертвых», то вто-

рой должен покинуть жену, уступив ее прежнему супругу. Но здесь нюанс – пока Аспринус болтался неизвестно где, Эвелина успела родить второму мужу ребенка. Стало быть, господин Цинек должен пожелать счастья бывшей жене и ее новому мужу, раз у них общий ребенок, и искать себе пристанище, но вот дом, где жила бывшая вдова, являлся его собственным, доставшимся от отца и матери. И раз бывший «покойник» восстановлен в правах, то имеет право вселиться в собственный дом, выгнав оттуда бывшую жену вместе с ее мужем и ребенком. Но выгонять свою бывшую вдову Аспринус не захотел, оставив при себе и свою бывшую вдову, и ее мужа с ребенком. И все бы ничего, и так бывает, но они сами виноваты. Не скрывали, что они не просто живут под одной крышей, а именно, что живут, выполняя супружеские обязанности. Все сразу, или по очереди, но не суть важно.

Спросите, а при чем здесь я, и почему епитимья наложена не только на всех троих (нет, четверых, ребенок тоже подпал), но и на меня? Да и вообще, какое мое собачье дело, кто с кем спит?

Все так, да не так. Наш патер потребовал, чтобы я, как владелец этих мест, принял какое-то решение – либо приказал Аспринусу выгнать новую семью, либо заставил его самого уйти. Пришлось вызвать к себе всех троих, задать не очень простой вопрос – а устраивает ли их такое положение вещей? Мужики запожимали плечами, запереглядывались заулыба-

лись. А Эвельтина слегка покраснела, хотя по морде видно, что довольна. И что мне делать? Говорить, что так поступать нехорошо, так они и сами знают. Устраивает такая жизнь, так пусть они так и живут. Посему, я отпустил всех с миром, порешив, что все как-нибудь само собой «рассосется». А патеру я объяснил, что в конце-концов, либо Аспринус убьет Упенекса из ревности, либо Упенекс Аспринуса, либо мужики убьют бывшую и нынешнюю жену. Кажется, я все понятно объяснил, но патер обиделся. Епитимья. Злющая Кэйтрин, успевшая заказать свадебное платье.

Разумеется, святой отец, объявив о наказании, позже примчался с извинениями – мол, понимаете ли, господин граф, так надо. Тем более, что и у вас с фройляйн Кэйтрин не все гладко, с точки зрения церкви. А вот весной, вокруг храма ограду новую ставить, стены красить, он епитимью отменит. Разумеется, за благотворительный взнос. Жук он, наш патер, но что делать? Своей земли у церкви нет, по части доброхотных подаяний прихожане скуповаты, а от герцога поступлений никаких. Вся надежда на ктиторов, вроде меня. А коли ктиторов обижать по пустякам, вроде незаконного сожительства с незамужней девицей древнего рода, получится совсем ерунда. Вон, у простых пейзажистов бывают дела похлеще.

А если уж совсем откровенно, то я даже и обрадовался отсрочке. За сорок с лишним лет (а если приплюсовать и то время, что прошло в Швабсонии, так и больше), я ни разу не был женат и, потому, было страшно. Одно дело жить

с женщиной, совсем другое понимать, что тебе эта женщина достанется на всю жизнь.

В моих владениях женщин меньше, чем мужчин. Понятное дело, что есть причины – воюют в Силингии поменьше, чем в Швабсонии, про голод или чуму никто слыхом не слыхивал. Но есть и другое. В моих владениях, в основном, проживают пейзаны. У них с женихами и невестами проблем нет, потому что помолвки тут ранние, и будущие муж и жена знают друг дружку едва ли не со младенчества. Но есть категория населения, о которой я раньше не то что не знал, но не обращал внимания – ремесленники, слуги, которым не нашлось места ни в Уркварте, ни в других городах, а они прибились в Аппельгарден, построили себе дома и стали жить да поживать, не заплатив владельцу имения ни пфеннига. Сам бы я счел это в порядке вещей – они же не арендаторы, чего платить? но теперь хозяйственными делами занимается Кэйтрин, а коли Аппельгарден опять станет ее собственностью, то моя будущая супруга принялась закручивать гайки. С баронессой фон Выксберг не забалуешь! Платят, как миленькие, но ни один из ремесленников или торговцев не уехал. Плата за проживание во владениях графа, определенная Кэйтрин, все равно меньше, нежели бы они платили в городскую казну. Так что в моем поместье появилось небольшое селение, которое, глядишь, лет через сто превратится в город, станет конкурентом Урштадта, а еще через двести, оба городка сольются.

Но когда это будет неизвестно, а пока приходится разбираться с гендерными проблемами и перекосом в сторону мужчин. Не так, чтобы это сильно бросалось в глаза (примета, плохая, если парней много) но, если собрался жениться вдовец на вдове, жди беды. Потенциальные женихи, засидевшиеся в этом качестве до тридцати, а то и до сорока лет, могут счастливому вдовцу и морду набить, и какую-нибудь пакость сделать – мол, он-то уже был женат, а мы? И неважно, сколько вдовушке лет – двадцать пять или пятьдесят пять. Вон, недавно пришлось разбирать жалобу на вдовцов, желающих сочетаться законным браком. Холостой сосед, сельский ремесленник, отчего-то решил, что ежели у невесты, сорока пяти лет, имеется двадцать четыре зуба, а у ее жениха, вдовца шестидесяти лет, зубов осталось только четырнадцать, то жениться они не в праве. Мол, на двоих полагается иметь хотя бы пятьдесят зубов. А вот у него (у соседа) зубов целых тридцать, и лет ему тоже тридцать, поэтому он должен жениться на соседке. Причем здесь зубы, я так и не понял, но у соседки справное хозяйство, оставленное покойным мужем, а у молодого ремесленника до сих пор ни кола, и ни двора.

Можно бы, на всякий случай выбить молодому холостяку все зубы, чтобы не хвастался – у меня самого с зубами не все хорошо, штук трех не хватает, но при моей-то жизни, это шикарно! Сказать, что ни в одном законе про наличие или отсутствие зубов у жениха с невестой ничего не сказа-

но? Нет, так не пойдет. Посему, я приказал вдовцу отвести парня в трактир, напоить его там, как следует, и он сам отозвал свою жалобу. Позже, когда проспался, локти себе кусал, но поздно. По обычаям Силингии два раза жаловаться нельзя.

Со свадьбами – и смех, и грех. Вдова ювелира обвинила в краже бывшего подмастерья – мол, после смерти мужа утащил с собой кое-какие инструменты. Парень не отрицался. Да, взял. Но это не кража, а покойный хозяин ему инструменты сам подарил, наказав трудиться, и не позорить его мастерскую. Кража – дело серьезное. Вешать за это не принято, но отправить в изгнание – запросто. Стал разбираться и выяснил, что вдова ювелира готова закрыть глаза на пропавшие инструменты, ежели парень на ней женится. Так что – был факт кражи, или нет? Может, подмастерье обещал жениться на вдове? Разобрались. Да, жениться обещал, но не крал. Оговор. Посему, приказал парню жениться на вдове, раз обещал, а заодно выпороть обоих. Его, чтобы не разбрасывался обещаниями, и не врал, а ее, чтобы напраслину не возводила.

Арендаторы, вроде и не крепостные крестьяне, не сервы и не вилланы, могли бы и сами разобраться, так нет, рассудите. И муторно, вроде бы, но все равно, не так скучно. Как-никак граф, обладающий правами судьи. И что там еще, надо жалованную грамоту посмотреть.

А что, я до сих не сказал? Я же теперь снова граф, потому что Его Высочество Дометрий Николаз герцог фон Си-

линг за спасение сына выписал жалованную грамоту, из которой следовало, что имение Аппельгарден отныне именуется графством Йорген, а я, стало быть, теперь граф Юджин Артакс фон Йорген. В отличие от прочих моих работодателей, Силинг поступил не то хитрее, не то мудрее. Герцог не стал задавать вопросы – нужен мне титул, или нет, а просто прислал грамоту, имеющую соответствующую подпись и большую печать, вот и все. Так что, отказывайся, не отказывайся, а я имею дело со свершившимся фактом. Йорген звучит вполне себе симпатично, мне нравится. Зато – теперь не будет вопросов у знати, откуда, дескать, взялся какой-то выскочка. А так, присвоил герцог титул дальнему родственнику, чтобы древняя фамилия не пропала, ничего странного или страшного.

Так что, пребываю я совершеннейшем удовольствии и в сытости. А так, что еще можно сказать? Разве что, в последнее время стал замечать, что оружейники Урштадта не так хороши, как мне изначально казалось. Спрашивается, почему они экономят на материалах? Кажется, солидная мастерская, куда я отдал свои заслуженные доспехи, прошедшие со мной десятки сражений, висевшие на стене в доме вдовы Лайнс, а потом пять лет ржавевшие в шкафу бургомистра. И всего-то надо было почистить панцирь от позолоты и ржавчины, да поменять ремни. С первым они справились блестяще, а вот второе. Ну, какого тоффеля взяли плохую кожу, дающую усадку? Вон, недавно решил надеть панцирь,

застегнул, и почувствовал, что тесновато, а зазор между телом и ремнем уже гораздо меньше, чем палец. И кольчуга, что я прикупил, тоже стала усаживаться. Не иначе, решили еще и на железе сэкономить, взяли какое-то непрочное, что съезживается от времени. Камзол, кстати, тоже начал «садиться», а ведь пошит и всего-то пару месяцев назад. Нет, что-то надо с ремесленниками делать. Может, попросить разрешения у герцога, и всех выпороть?

Кэйтрин, в ответ на мои сетования, только ржет. И где она у меня пузо увидела?

Глава вторая

Великосветский прием

Кэйтрин полезла в шкаф, вытащила оттуда все свои платья. Перебрав штук пять, а может и шесть, остановилась на самом лучшем. Похмыкала, и потащила платье вниз, чтобы прислуга погладила. Вернувшись, хитренько посмотрела на меня и спросила:

– Любезный граф, вы помните, что нас пригласили в гости к барону Кренеку?

– Нас? – удивился я, вспомнив, что еще третьего дня ко мне являлся чей-то слуга в ливрее, и торжественно сообщил, что господин барон фон Кренек просит оказать честь ... И так далее... Но я забыл о приглашении минут через пять, потому что читал книгу, купленную у гномов, и так зачитался, что едва не забыл и об ужине.

Но книга того стоила. И это был не любовный роман, не рыцарский и даже не плутовской. Это был приключенческий роман, и вполне возможно, что первый в этом жанре за всю историю Силингии. В восьми тетрадках, переплетенных в толстенную книгу, шел длинный рассказ о капитане дворцовой стражи по имени Ульдемир Аксенус. Аксенус вырос в простой семье, но по стечению обстоятельств попал в дворцовую стражу, служил своему королю верой и прав-

дой, раскрыл немало заговоров против короны и пережил множество приключений. Книга заканчивалась на странице, где Ульдемир решил принять бой с превосходящими силами противника. Главный герой, зарядив с десятков арбалетов, сидел и ждал появления врага. Вначале я не понял, отчего капитан отпустил своих подчиненных, решив принять бой в одиночестве, но потом до меня дошло, что автору надоело писать о подвигах и приключениях стражника, и он решил-таки его убить, но в последний момент передумал, оставив открытую концовку. Гад он, этот автор, прервал рассказ на самом интересном месте!

– Юджин, вы меня слышите? – напомнила о себе Кэйтрин.

– Да... Ах да, слышу, – встрепенулся я. – Нас с вами куда-то и зачем-то пригласили.

Действительно, почему пригласили вдвоем? То, что мы вместе проводим ночи, это неважно. Официально мы с Кэйтрин не женаты, она владелица баронства, у меня графство.

– На самом-то деле пригласили и меня, и тебя, но по отдельности, – заговорила Кэйтрин нормальным тоном. – Но ты не поедешь, а мне не хочется быть одной. Лучше поехать вместе. А кавалеры имеют право взять с собой спутницу. Жену, любовницу, не столь важно. Можно даже явиться с невестой.

В Швабсонии подобные светские визиты немыслимы. Явиться на прием с любовницей, это куда ни шло, но с невестой?

Барон фон Кренек – не просто один из многочисленных баронов Силингии, а неформальный глава нашего дворянства, к которому теперь принадлежу и я. Получить у него приглашение на прием – огромная честь. Наемник Артакс такого приглашения не удостоился бы, носом не вышел, но теперь, по своему статусу, я стал выше барона и, разумеется, должен присутствовать на великосветском мероприятии. Впрочем, тутошнему дворянству я ничего не должен, это они мне должны за те деньги, что я успел вложить в город. Скорее всего, проигнорировав приглашение, я заработал бы репутацию выскочки и сноба. Но мне-то какое до этого дела?

– А тебе хочется побывать на приеме? – удивился я, зная, что Кэйтрин не слишком жалует светские мероприятия. Девушка не забыла, с каким высокомерием к ней относилась высшая знать, пока она была нищенкой, живущей за счет собственных слуг.

– Не очень, – призналась Кэйт, потом вздохнула. – У Кренека земли подходят к моему баронству, хотела потолковать – может, продаст десяток-другой акров? Ты ведь мне дашь денег?

– Разумеется, дам – великодушно кивнул я. – Только к Мантизу сама съездишь, мне неохота.

– А после кто-то будет говорить, что у него нет пуза?!

– Я тебе сто раз говорил, что у меня не пузо, а запас опыта, отложенный на черный день, – пробурчал я, задумыва-

ясь над очевидным – может, фройляйн права, и я оброс-таки слоem дурного жира? Нет, все это полная чушь! Смотрюсь в зеркало регулярно, никаких отложений ни по бокам, ни на животе. И книга про Ульдемира закончилась, читать нечего. Может, составить компанию невесте?

– Значит, на прием едем вместе? – уточнила Кэйтрин, и, дождавшись от меня печального вздоха и кивка, радостно чмокнула в щечку. – А деньги я тебе обязательно верну.

Ага, вернет она. Она уже столько должна, что можно еще одно имение купить. Ну да ладно, деньги лежат у Мантиза, обрастают процентами, а я, как бы их не тратил, по-прежнему остаюсь одним из самых богатых людей города, а то и Силингии.

Под чутким руководством Кэйтрин я принялся собирать-ся. Нет, определенно портного следует выпороть за то, что пошил камзол из такой скверной ткани. Ведь недавно сидел совершенно свободно, а теперь не вздохнуть. Жмет, зараза. Не иначе, сукно дало усадку. Может, расстегнуть пуговицы? Так ведь Кэйт не позволит.

– И вместо меча возьми с собой шпагу, – попросила баронесса.

Шпагу? Ну уж нет. Меч, куда надежнее, чем шпажонка. С ней только на охоту ездить, зайцев колоть.

– Ну пожалуйста! – взмолилась фройляйн, сложив ладошки, словно в молитве. – Тебе же ее сам герцог подарил, надо ее иногда выгуливать, пусть все завидуют.

Ну что тут поделаешь? Если женщина хочет, чтобы завидовали, придется взять герцогский подарок – шпагу с обоюдоострым клинком, изящной гардой и довольно крупным рубином, украшавшим навершие. Оружие Его Высочество прислал мне вместе с графским дипломом. Не то хотел пополнить мою коллекцию, не то как часть благодарности за вызволение сына из университетской неволи.

Дом Кренека сиял огнями, и даже у входа, в нарушение всех мер безопасности, принятых в Уршадте, горели огромные факелы.

– Господин Артакс, вас можно поздравить с графством? – любезно поклонился хозяин, словно бы и не знал о таком важном событии в истории Урштадта. Наверняка барон переживает – не захочу ли я занять его место, как глава дворянства.

Взмахом мизинца Кренек подозвал слугу с подносом, и собственноручно вручил нам по бокалу с вином.

От бокала я отказываться не стал, но и пить не спешил, делая вид, что наслаждаюсь ароматом.

Кейтрин, сделав глоток, глазами попросила у меня разрешения отойти – мол, увидела кого-то, с кем стоит вести разговор, а мы остались вдвоем. Улыбнувшись, барон весело сказал:

– Слышал, что ваша свадьба с фройляйн фон Йорген, виноват, баронессой фон Выксберг, опять откладывается? Мо-

жет, вам стоит сменить патера?

Я только пожал плечами. В Силингии, любой феодал, на чьих землях располагались храмы, так бы и сделал. Священников тут не назначает правящий епископ, а избирает приход. А приход выберет того, на кого укажет перстом хозяин земли. Но мне такое еще в новинку, и я осторожно заметил:

– Посмотрим, что будет дальше. – Вспомнив, что Кэйтрин имела виды на земли барона, сказал: – Моя невеста хотела с вами поговорить.

– У вашей будущей супруги, господин граф, железная хватка, – хмыкнул фон Кренек. – Чувствую, что мне придется продать-таки часть земель. Не сочтите за оскорбление, но я иногда жалею, что женат, и не могу увести у вас невесту из-под венца. Представляете, каким бы я был богатым человеком, если бы лет двадцать назад женился на фройляйн Йорген? Ах да, – спохватился Кренек, – в те годы фройляйн еще не было на свете.

Это он так комплимент говорит? Ну и ну. Мы немного помолчали, поглядывая на гостей, а потом барон вдруг сказал:

– Передайте вашей невесте, что я готов продать ей участок земли, на который она укажет. – Поймав мой изумленный взгляд, Кренек извиняющим тоном сообщил: – У меня до сих пор чувство вины перед фройляйн и мне очень хочется как-то компенсировать свою черствость.

Ну да, ну да. Будем считать, что я поверил. Пока девчонка

искала работу и кусок хлеба, никто не вспоминал, что она дочь обедневшего, но благородного рыцаря и на помощь сироте не спешил. Но стоило Кэйтрин найти богатого жениха, обласканного властителем герцогства, а самой приобрести титул, как все вдруг прониклось к ней нежностью и стали испытывать чувство вины.

Я хотел сказать что-то умное, но не успел. Со стороны небольшой кучки молодежи, занявшей всю середину зала, донесся оглушительный хохот, напоминающий лошадиное ржание. Нет, мой гнедой ржет гораздо приятнее. Надеюсь, Кэйтрин не испугалась?

– Рыцарь Суотон, – сообщил Кренек, кивая на стоявшего в центре здоровенного парня, в желтом камзоле, отороченном зелеными лентами, с огромным мечом у пояса. Скрикивая, барон добавил: – Дальний родственник Выхсберга, не так давно прибыл из столицы. Он мне не нравится, но пришлось приглашать.

Странно. Если бы мне кто-то не нравился, то на прием приглашать бы не стал. Да, а не перейдет ли родство с Выхсбергами и на мою Кэйтрин? Надеюсь, что нет.

– Граф, про Суотона говорят, что он забияка и известный бретер, убил на дуэлях человек двадцать, если не больше. Дескать, сам герцог попросил его покинуть столицу. И вот еще что...

Барон замялся, и посмотрел на меня исподлобья.

– Мне нашептали, что Суотон очень обижен на вас из-за

баронства. Вроде, он сам собирался его выкупить у Мантиза, но не успел.

Если хотел выкупить, кто же ему мешал? Я здесь и всего-то год с небольшим, время было. В крайнем случае, если не успел собрать денег, Суотон мог попросить ростовщика – дескать, попридержите имение. Мантиз, как и все ростовщики, кровопийца, по определению, но человек (тьфу ты, богомол) хороший, обязательно бы пошел навстречу.

– А кто вас попросил пригласить Суотона? – поинтересовался я, не ожидая ответа.

– Никто, – вздохнул барон. – Рыцарь сам явился ко мне и спросил – мол, не возражаю ли я, если он придет на прием? А как бы я мог сказать, что возражаю?

Тоже верно. Если благородный рыцарь просится в гости к благородному барону, а формального повода для отказа нет, не откажешь. Да и репутация бретера чего-то стоит...

– И в какой же постели, фройляйн, вы нашли ваш баронский титул? – услышал я наглый голос, а потом звук пощечины.

Повернувшись, увидел такую картину – взбешенную Кэйтрин, пытающуюся ударить во второй раз, и Суотона, крепко держащего девушку за руку, похохатывавшего при этом. Кажется, девчонке больно. Смотреть на такое нельзя.

Вот ведь, какая твердая голова попалась, всю руку себе отшиб.

Надо отдать должное фон Суотону, с пола он вскочил мо-

ментально.

– Стало быть, наемники размахивать кулаками умеют? – прошипел столичный франт, стряхивая кровь с разбитого носа и обнажая меч. – Посмотрим, какого цвета твои кишки. Все разошлись! – гаркнул рыцарь. – В стороны, я сказал!

Гости охотно попятились, образуя вокруг нас широкий круг. Женщины встали спереди, чтобы получше рассмотреть неожиданное представление, а мужчины, хоть и неохотно, а уступили лучшие места. Хозяин, взяв побледневшую Кэйтрин под руку, отвел ее подальше.

Я не стал отвечать рыцарю оскорблениями, не попытался вывести его из себя, а насколько мог быстро, расстегнул пуговицы на камзоле, посетовав, что они слишком мелкие.

Чего я терпеть не могу, так это дуэлей. М-да, кто бы говорил... В бытность свою студиозусом приходилось не раз, и даже не десять раз скрещивать клинки, но скажу, что ни один из моих противников не был убит, ни даже тяжело ранен. Неприлично это, своего собрата и собутельника до смерти убивать, а если ранить, так опять-таки расходы – кто лекарю платить станет?

Да, забияка я был тот еще, благо, что фехтованию учили с раннего детства, а нарваться на противника посильнее мог только теоретически. Но с тех пор, как стал наемником, слегка поумнел, и осознал, что самые отпетые дуэлянты, это трусы. Я сейчас не говорю о дуэлях, от которых зависит твоя честь, ли еще что-то. Вон, как когда-то в Ульбурге мой быв-

ший друг, вместе со мной, завоевывал право остаться во главе гильдии воров и нищих. Но ни один из бретеров не вызовет на поединок даже равного противника, не говоря уже о таких, что сильнее. А вдруг получит сдачи?

Суотон вытащил меч, а я обнажил свою шпагу. Эх, не стоило слушать Кэйтрин, а захватить на прием оружие понадежнее. Меч моего противника на добрый вершок длиннее, и, как минимум, раза в полтора тяжелее. Начну парировать, так мой клинок, встретившись со сталью врага, разобьется, словно стекло. Значит, поступим по-другому. Есть у меня один «козырь» в рукаве, но его припасу лишь на крайний случай.

Столичный рыцарь небрежно взмахнул мечом, сделал классическую «восьмерку», а потом, без раскачки, сделал выпад, решив поразить мое горло. Что же, не так и плохо. И хотя здешняя манера фехтования отстала от нашей лет так на пятьдесят, а бойцы больше полагаются на грубую силу, а не на мастерство, Суотон был настоящим мастером. Не удивительно, что он слыл забиякой и бретером.

Я встретил укол не клинком, а эфесом, легонько отбив острое и, перенаправив его в сторону, а когда рука Суотона, повинувшись инерции, потянулась вслед за оружием, провел ответный выпад.

Похоже, гости были слегка разочарованы. Они-то ждали кровавой схватки, когда оба бойца изранены и изрезаны, покрыты царапинами и ранами, сочащимися кровью, словно

два кабана, попавшие в руки неумелого мясника, а здесь посмотреть оказалось не на что. Возможно, кто-то успел увидеть, как из спины столичного рыцаря выскочило дюйма два стали, но я успел вытащить клинок до того, как мой противник упал, а умер он еще до падения.

— Господин барон, господа, — склонил я голову в сторону опешившего хозяина гостя, кивнув гостям, потерявшим дар речи. — Приношу вам свои извинения за то, что мне пришлось убить человека. Надеюсь, никто меня не упрекнет в том, что мое поведение не достойно дворянина?

Собравшиеся судорожно закивали. А что не так? Я поступил в пределах правил поединка. Рыцарь оскорбил мою женщину, я ответил, а потом заколол обидчика. Думаю, любви со стороны высшего общества смерть Суотона мне не прибавит, но желающих вызвать меня на дуэль больше не будет.

Суотон был мастером. Но за моей спиной было мастерство самых лучших и искусных фехтовальщиков, да и собственный опыт. Возможно, кому-то это покажется не совсем честным, но о какой честности можно говорить? У нас ведь была даже не дуэль, а схватка, и никто не заморачивался, что моя шпага и короче, и легче его меча.

Если подумать, то сегодня мне повезло. Если бы противник решил использовать свою силу, приумноженную тяжестью клинка, а не стал бы ввязываться в фехтовальный поединок, шансы выстоять у меня были бы незначительные. Сломайся клинок, я оказался бы беззащитен, а примотать

лезвие шпаги к ладони, как это сделал герой одного из романов, я бы не успел. Хотя, тогда бы пришлось доставать свой «козырь». И не из рукава, а из-за пояса, где у меня заткнуты метательные ножи. И применил бы я их, не задумываясь о том, хорошо это или плохо, честно или нечестно. Когда следует позаботиться о собственной шкуре, соображения чести куда-то пропадают.

Но твердо решил, что начиная с завтрашнего дня жрать стану меньше, а несколько часов в день буду посвящать физическим упражнениям. И не стоит идти на поводу у женщины, даже если тебе самому этого хочется.

Слуги утащили труп бретера, отмыли пол от крови, а встреча продолжилась. Мне бы уйти, но пришлось слушать поздравления с победой, и чокаяться с каждым из гостей.

– Господа, прошу прощения, я от Его Высочества. – Прорезая толпу, ко мне пробился усталый человек в запыленной одежде цветов герцога. – Граф Артакс фон Йорген, Его Высочество приказывает ... призывает, прошу прощения – приглашает вас срочно приехать к нему по неотложному делу.

Вона как... Если Августейшие герцоги приглашают, это хуже приказа. Но наверное, физическими упражнениями теперь можно не заниматься. В доспехи, бог даст, как-нибудь влезу, а по дороге жирок сойдет и сам по себе.

Глава третья

Весть из прошлого

Итак, предстоит ехать в Силинг, столицу Силингии, к герцогу фон Силингу. Но срочно – это вовсе не означает немедленно. Мне еще требуется подготовиться к дороге, а путь неблизкий; подобрать слугу. Артакс вполне мог обойтись и одним лишь гнедым, без лакеев, но граф Артакс фон Йорген просто обязан иметь хотя бы одного слугу. Как говорят в одной из провинций Старой империи – *Noblesse oblige*.

Кому я все это рассказываю? Читатель, осиливший четыре книги моих воспоминаний, скользит взглядом по строчкам, и понимает меня гораздо лучше, чем я сам себя понимаю. Разумеется, я не задумываясь отправился бы один, плюнув на все сословные условности и ноближи с оближами. Обходился я как-то двадцать с лишним лет без слуг, если не считать денщиков-инвалидов, – так обошелся бы и дальше. Со слугами сплошные неприятности. Кто-нибудь видел хоть раз идеальную прислугу мужского пола? Если не пьет, так окажется трусоват, не подворовывает, так ни хрена не умеет, не бегает по распутным девкам, так целыми днями бездельничает. Еще о слугах надо заботиться, кормить. И, кроме Гневко, потребуется конь для лакея.

Но ехать в одиночку я не рискну, потому что время го-

да не самое лучшее. Это в Швабсонии, пусть там и зимы суровее и снега наметает больше, зато в пределах ежедневного перехода, непременно отыщется хотя бы один постоянный двор или трактир, а то и городишко, где оных трактиров несколько, с комнатами для постояльцев и конюшнями для лошадей. И сам поешь, и конь сытый будет. В Силингии же все придется переть на себе, проверено. И что я упру? Мешок сухарей, да торбу с овсом? А сено мы где станем брать? Снега немного, но трава насквозь проморожена, такую и я бы не стал жевать, а не то, что мой Гневко. Конечно, если припрет, жеребец станет щипать и такую, но кто знает, может, если отъехать подальше, пойдут сплошные сугробы? Гневко из-под снега корм добывать не приучен, я – тем более.

Значит, если мы доедем до Шварцвальда за день, от леса до столицы останется три дня, то сколько нужно припасов? Ага, как же... Кладем на дорогу неделю. Зимние дни короткие, а по ночам ездить – себе дороже. От Черного леса до Силинга должна быть хотя бы какая-то харчевня, но не факт. Стало быть, нужна телега, куда и станем загружать все нужное, а к ней возчик, он же слуга. Лучше бы иметь и верхового слугу, и возчика на подводе, но на телегу столько припасов не влезет.

Слугу – крепкого, чем-то напоминавшего моего мостоблюстителя, подобрал Томас. Сказал, что отец у парня не шойзель, а как есть человек, да еще и свояк, добропо-

рядочный пейзаж. Старик и сам бы отправился в дорогу, отдохнуть от любимой, но сварливой супруги, но у Томаса, по зимней поре, и спина не гнется, и дают знать старые раны, включая ту, что он сам себе причинил. Нет уж, пусть лучше дома сидит, косточки греет, слушает Курдулу, да за Кэйтрин присматривает. За ней, за моей невестой, еще обещал присматривать брауни, это надежнее, нежели Томас. Слугу-то она не очень послушает, а вот домового уважает даже больше, нежели будущего мужа.

Я всегда с подозрением относился к тому, если пейзаж отдают сына в солдаты или в слуги. Толкового и работающего никто не отдаст, такой самим нужен, но по зимней поре работы в деревне нет, рады любому приработку.

Слуга крепкий, откликнулся на имя Генрик. Костер в снегу разжигать, нехитрую снедь сготовить умеет любой деревенский мальчишка. Главное, парень лошадей любит, а про остальные его умения и навыки в дороге узнаю.

Мы ехали молча, немного ежась от ветра. Я порадовался, что зима здесь гораздо мягче, чем по ту сторону гор. Там бы пришлось натягивать плащ, подбитый мехом, и шапку с наушниками, а здесь и суконный неплохо греет, и уши не мерзнут.

Сумерки начали наступать раньше, чем я планировал. Усмотрев неподалеку деревья, за которыми должен скрываться ручей, собрался остановиться на ночлег, но впереди замаячил едва заметный огонек, не похожий ни на костер,

ни на пламя пожара.

– Там что, жилье появилось? – спросил я Генрика, но тот лишь с недоумением повел плечами.

Кто это такой смелый, чтобы обосноваться в пяти милях от Шварцвальда? И пусть проклятие Черного леса мы с цыганами сняли давненько, года полтора назад, но широко это не афишировали, а народ, по старой памяти, еще боялся призрачных обозов и всего прочего. Но если имеется жилье, то лучше napроситься на ночлег, чем спать зимой у костра. Терпеть не могу ночевать, если один бок нагревается, а второй замерзает. Ворочаешься всю ночь с боку на бок, не выспишься. Нет уж, надо под крышу. Авось, хозяева будут столь любезны, что пригласят в гости. А нет, так мы их вежливо попросим.

Пришлось проехать еще мили полторы, пока не увидели в свете луны длинный фахверковый дом с коновязью, колодец, навес для лошадей, а сзади несколько копен сена. Неужели постоялый двор? Да, именно так. Вон, даже вывеска есть – на двух кронштейнах болтается деревянный щит, на котором намалеваны окорок и огромная пивная кружка. А художник хорош. Окорок, даже в сумерках выглядит как настоящий, а пена из кружки прямо-таки готова выплеснуться на ближайший сугроб.

В ответ на наш стук из-за дверей раздался мужской голос: – Кон дый¹? – О чем спрашивают, я не понял, но язык

---

¹ Кто там?

показался знакомым, как и голос. Зато второе слово я уже понял. – Закèр²!

– А ты уткèрдо сделай, старый хрен, не то я дверь высажу!

Во те раз! Кого меньше всего ожидал здесь увидеть, так это Зарку-цагана. Я-то думал, что он пребывает в Швабсо-нии, обманывает там честных бюргеров, или его уже успели повесить за конокрадство. Не разобрав, о чем нас спраши-вают, весело проорал:

– Бахталэ³ Зарко!

Раздался лязг щеколды, и в полутьме появился смеющийся цыган.

– Баро Артакс, сколько можно тебе талдычить, – когда ты по-нашенски пытаешься говорить, пузо от смеха лопается.

Из-за плеча старика выглядывало любопытное личико Па-пуши. Она мне очень лукаво подмигнула, а я отчего-то сму-тился и попытался скрыть смущение суровостью:

– У тебя здесь постоянный двор, или что? Что за хозяин двора, если гостей гонишь? Давай, шевелись, у меня гнедой проголодался.

Гневко я расседлал сам, сам же засыпал ему овса, а хозяин постоянного двора не возражал. У него с моим гнедым слож-ные отношения. И не то, чтобы старый цыган боялся моего жеребца, но уважать уважал. Верно, помнил его копыта. Ну, хотя бы воды принес, и то хорошо.

---

² Закрýто.

³ Привет.

– Ну как, ничего? – поинтересовался я у гнедого. Навес навесом, но стенок-то здесь нет, дует.

– Го-го, – мотнул Гневко гривой, давая понять, что все в порядке, не холодно, а я могу уходить и не мешать ему есть.

– Вот и ладно, – кивнул я, посматривая, как Генрик обихаживает свою кобылку. Гнедой к ней интереса не проявлял, это хорошо. И драться он с кобылой не станет, это совсем прекрасно.

Мы сидели перед очагом, на котором что-то шкворчало, а Папуша разливала горячий травяной отвар, я спросил:

– Как тебя сюда занесло?

– Э, баро Артакс, сколько можно дороги мять, кибитки ставить? Пора уже и осесть. И дети просят – мол, садись на землю, дадо, хватит, нагулялся. Стар ты уже, чтобы кобыл красть. И чаюри надоело по земле бегать. Глядишь, человека хорошего найдет, пусть и гаджо, замуж выйдет. А место удобное. Шварцвальд теперь проезжий, а постоялых дворов поблизости нет. В самом-то лесу мало кто останавливаться захочет, а тут, самое лучшее место. И лес можно засветло пройти, и кто обратно поедет, тоже сюда.

– Как ты все успел? – изумился я. – И дом выстроил, и колодец выкопал.

– Дом дети построили, да долго ли его делать? – хмыкнул старый цыган. – Рамы собрали, глиной да битым камнем пустоты забили, очаг поставили. Вон, теперь надобно конюшню ставить, но это потом, летом.

– Прогоришь ты с таким отношением к делу, – хмыкнул я, попробовав отвар. Вкусно. – Трактирщик ты хренов. К тебе постояльцы прибыли, а ты им отворот поворот даешь. Ишь, закрыто. Да ты из штанов должен был выскочить, клиента вместе с его конем облизать.

– Так я уже спать лег, – принялся оправдываться цыган, но как-то вяло, а потом признался. – Я тебя вчера во сне видел. Решил, не нужен мне баро Артакс, хоть он графом стал. Знаю, что если я с тобой встречусь, то жди беды. Спать лег, а Папуша говорит – Артакс сегодня приедет. И стук в дверь. Думаю, может уедет, коли не открыть?

Неприятности, видите ли, из-за меня. А кто его, старого дурака, постоянно выручает? Не я ли? Но вслух не стал ничего говорить. Поминать о своих благодеяниях, все равно, что хвалиться милостыней, данной нищему.

– Хозяин, а пиво-то где? – подал голос мой слуга. Генрик хотел еще что-то сказать, но наткнувшись на мой недобрый взгляд, не предвещавший ничего хорошего, тихонечко сник и пробубнил. – Да я это ... господин граф... Простите великодушно, на вывеске-то пиво нарисовано.

– Так мало ли что на вывесках намалюют, – жизнерадостно сообщил Зарко. – А пиво-то я откуда возьму? Сам не варю, а из пивоварни вести долго, да и накладно. В пивоварне бочку нальют, а куда мне с бочкой? Испортится, и пиво пропадет, и деньги. Вот, зима закончится, проезжих побольше будет, тогда и пиво будет. Хочешь, поживи до весны, потер-

пи. Пока могу шнапса налить, если хочешь.

– Не, шнапса не надо, – начал отказываться Генрик, хотя и было заметно, что парень бы не отказался. Вот только, Томас уже провел с ним разъяснительную беседу на предмет того, что можно делать, а что нельзя и чего больше всего господин граф не любит.

– Жаркое будет готово, тогда разрешу чарку выпить, – сжалился я.

А по комнате уже шел одуряющий аромат мяса, овощей и каких-то специй. Главное, чтобы мясо не из ежей. Хотя, когда готовит Папуша, могу и ежика съесть.

Молодая цыганка, тем временем, помешала жаркое, улыбнувшись мужчинам – мол, чуть-чуть осталось, потерпите.

– Я думал, что вы еще в Швабсонии, – заметил я.

– А что там делать? – махнул рукой цыган, отхлебывая свой травяной отвар, успевший остыть. – Побыли мы там с Папушей, посмотрели. Худо там жить цыганам, ой худо. Не любят там нас, не любят.

В голосе старого мошенника зазвенела такая вселенская грусть, что стало понятно – опять Зарко что-то там учудил, а его долго ловили. Но, как водится, не поймали. Кажется, старого плута изловили всего один раз в жизни, и то ловцом оказался мой собственный жеребец.

– Не иначе, ты там поддельный шнапс продавал? – хмыкнул я.

– А что, хуже от этого шнапса кому-то стало, а? – спра-

зу же окрысился цыган. – Никто не помер, даже никого понос не пробрал.

Во те на... Про поддельный шнапс я вообще не знал, брякнул наобум. Впрочем, чем же еще мог заниматься «честный» цыган, если не кражей коней? Ясен пень – либо кому-нибудь что-то втюхивает, либо обманывает, что, впрочем, одно и то же.

– Мне-то откуда знать? – миролюбиво сказал я. – Ты же знаешь, что шнапс я не пью.

– Я даже про «Любимое пойло наемника» знаю, – хохотнул Зарко. – В Швабсонии его на каждом шагу продают.

– Верно, ты за шнапс налог не хотел платить? – поинтересовался я.

– А чё я платить-то должен? Шнапс я сам продавал, чего это я с каким-то герцогом должен делиться? Хочет, пусть сам шнапс гонит, и талеры получает.

Как говорится, все ясно. В Швабсонии, да и в других землях моей бывшей родины, герцоги и короли закроют глаза на продажу некачественного товара, но если продавец не хочет платить налоги в казну – этого не простят, и не помилюют. Пусть тысяча, а то и больше, умрет, или ослепнет от скверного шнапса, но коли владетель исправно получает свою долю, так и пусть мрут дальше, в рот-то никто не лил.

Тем временем, подоспело жаркое и все разговоры были оставлены на потом. После целого дня пути я не заметил, как опустошил целых две миски, и взял бы еще, но вспом-

нил, что собирался убрать лишний вес. Вон, доспехи пришлось на телеге вести, не влезаю.

Генрик, осоловев после еды и принятой чарки шнапса, отправился спать, Папуша принялась мыть посуду, а мы с Зарко остались допивать травяной отвар. Надеюсь, ночью бегать не придется? Горшка у цыгана нет, придется ходить на воздух, в холод. А мог бы теплый сортир построить, между прочем.

Цыган, выпив половинку чарки, стал более откровенным.

– Я же чего здесь сижу, баро? Я сижу оттого что Куколю задолжал, целых двадцать талеров. Ладно бы лето было, а зимой-то тут нечего делать. Вон, из столицы два дня назад го-нец проскакал, останавливался, а вчера он обратно ехал, да ты, вот и все мои посетители. Скучно.

– А кто такой Куколь? – нахмурился я, попытавшись вспомнить – что это за зверь такой, если его цыган боится?

– Ты Куколя не знаешь? – удивился цыган, а потом вспомнил. – А, так ты же ни пиво не пьешь, ни шнапс, где тебе знать. А Куколь, наш главный винокур. Я у него сорок бочек шнапса купил, на ту сторону гор переправил, а там верным людям продал. Ну, не всем продал, кому-то пришлось отдавать под будущую продажу, чтобы деньги потом отдали. Помнишь, мы летом встретились, когда ты нас выручил? Мы как раз в Швабсонию ехали, за деньгами.

Ишь, жук навозный. А ведь я что-то такое и предполагал, когда увидел Зарко с Папушей и их повозку, но до продажи

«контрабандного» шнапса не додумался. Опять забыл разницу в ценах Силингии и Швабсонии. Зачем цыгану мучиться, самому гнать шнапс, если можно здесь купить бочку за талер, а там продать за четыре, а то и за пять? Забавно. О контрабанде между странами я наслышан, сам контрабандистов ловил, но вот контрабанда между мирами, это нечто... На такое только потомки эльфов способны.

– В общем, осерчал император, как там его – Адалберт-Вильгельм?... за то, что ты налоги не платишь, послал стражу, а ты в бега пустился? – предположил я.

– Это еще ладно, – вздохнул цыган. – У меня еще тридцать бочек лучшего шнапса пропало! Я их в университетский городишко пристроил, есть там у меня верный человек, а там что-то стряслось. Не то барон соседский нагрязнул, не то еще что, но бочки отыскали, и выпили.

Вон, значит, чей шнапс пристраивал в университетский подвал начальник охраны. Хм... А ведь я мог бы рассказать о том, что случилось, но не стану.

Я посмотрел на унылого Зарко, и мне стало жаль старого дурака. Еще чуть-чуть, и предложу ему двадцать талеров. Не из-за него, а из-за приемной дочери. Для меня двадцать талеров – это не деньги. А для цыгана. Хотя...

– Подожди-ка, – призадумался я. – Допустим, двадцать или тридцать бочек у тебя пропало, но ты говорил, что привез в Швабсонию сорок? А может, и больше? А где деньги, что ты выручил? Пусть даже тебе двадцать бочонков удалось

продать, по четыре талера, так это получится восемьдесят.

– И не восемьдесят, а шестьдесят. Я половину денег детям отдал, а половину для Папуши храню, на приданое. Как мне девку без приданого замуж отдать?

– Ты уже сколько лет на приданое девке копишь? – усмехнулся я. – Верно, уже не на один дом накопил, да на табун лошадей? Может, стоит с винокуром рассчитаться, спокойней жить станет?

– А ты мои деньги не считай, – огрызнулся цыган. – Так у Куколя денег много, глядишь, забудет со временем. Вон, сам Силинг обо мне забыл, жандармов по мою душу не присылает.

Я только покрутил головой. Забыл герцог, как же. Простить, может и простил, а вот забыть не забыл. И если цыган что-то еще сотворит, то ему все припомнят. И краденых коней, и гибель рыцарей, случившуюся по его вине. Я и сам-то до сих пор не уверен, что Силинг мне простил смерть своих лучших воинов. Но я Его Высочеству нужен, а вот цыган? А ссора с винокуром может быть похуже ссоры с герцогом. Но что тут говорить? Горбатого могила исправит. Папушу жаль, но у нее хотя бы приданое есть, не пропадет.

Зарко отправился спать в свой закуток, а я в комнату (скорее, чулан) для особых гостей. И я отчего-то не удивился, что, как только улегся, ко мне пришла Папуша. Девушка пристроилась рядышком, а когда я ее обнял, спросила:

– Артакс, у тебя есть дети?

Кажется, она меня как-то об этом спрашивала? Или это была другая женщина? А дети, скорее всего, где-то есть, но их матерям я никогда ничего не обещал. Пообещал бы, тогда да, сейчас не ходил бы холостяком.

— Когда я в Швабсонии была, девчущку увидела. Такая вся крохотулечка, лет шесть, может семь, но до чего на тебя похожа. И зовут почти как тебя, Юджина. Я уже подойти хотела, спросить, кто папка, но тут ее мать вышла — сама вроде и ничего, но лицо страшное, все в шрамах.

— А как женщину звать? — поинтересовался я.

— Мартой.

Марта... Девушка, чье лицо было обезображено ножом ее же собственного отца.

— Думаешь, весело бабе в лесу жить? Я мужу хочу одежду стирать, готовить. Детей хочу...

— Понимаю, — кивнул я.

— Ой, да ни тоффеля ты не понимаешь! Все вы мужики одинаковые — вам лишь бы штуку свою засунуть, а потом — хоть трава не расти...

— Ну-у... — протянул я, не решаясь сказать, что она и сама не особо-то и противилась, а вовсе и наоборот.

— Баранки гну! Ты, что, не понял, что я беременная? Коли нашелся болван, что замуж зовет, то нужно свадьбу быстрее справлять. Может, удастся убедить, что ребенок от него...

По моим меркам это случилось два года назад, стало быть, там прошло семь. Я не стал ничего говорить Папуше, но она догадалась сама.

– Значит, это твоя дочка? Красивая. Я тоже такую хочу... Ну, и чего ты лежишь, словно бревно?

Глава четвертая

О всякой живности

И что такое Папуша подлила в отвар? Могу лишь предположить, что старому цыгану и Генрику досталось сонное зелье, а мне напротив, бодрящее. И не просто бодрящее, а очень-очень бодрящее... И как эта маленькая ведьма умудрилась сделать все незаметно? Впрочем, она могла ничего не скрывать, кто догадается, что кроме ароматных трав в отвар добавлены и другие травки?

Лестно, конечно, что на старости лет ко мне равнодушны молодые женщины, но все хорошо в меру.

Заснул лишь под утро, сознавая, что и спать-то осталось всего ничего, но как только закрыл глаза, услышал душераздирающие звуки: не то кого-то резали, не то из живого человека кишки на руку наматывали. Сквозь сон не сразу сообразил, что где-то сверху гнусно блеет коза. Судя по цоканью копыт, скотина залезла на крышу. Нет, не копытца у нее, а копытища, как у слона. Что, у слонов нет копыт? Значит по крыше бродит верблюд.

Папуша заворочалась и, не открывая глаз, пообещала козе что-то недоброе и нехорошее. Всех цыганских угроз и пожеланий я не понял, но слово «кар» опознал, равно как и то, что в отношении мелкой рогатой скотинки его используют

не по назначению, не туда, куда это делают козлы. Решив, что продолжу спать, а наверху пусть коза блеет, а то и дракон орет, был вытащен из дремы неожиданным вопросом и толчком под бок:

– Артакс, а ты доить умеешь?

– Кого? – спросонок не понял я.

– Козу, кого же еще? Не меня ж... – сонно вымолвила Папуша, приподнимаясь с постели. Широко зевнув, цыганка сказала: – Не коза это, а миньжа с рогами. Сходи, подои, а я еще немножко посплю.

Как ни странно, но слово «миньжа» я понял, хотя раньше его не слышал. Надо будет запомнить. Подкатишь к какой-нибудь барышне, шепнешь на ушко. М-да... Какие мне барышни, если я уже почти женатый человек.

– Не мужское это дело коз с девками доить, – буркнул я, пытаясь удержать одеяло, потянувшееся следом за неохотно поднимающейся с постели цыганкой.

– Ага, за что не возьмешься, так все немужское дело, – фыркнула цыганка, собирая раскиданную по комнатке одежду. – Из-за тебя всю ночь не спала, жеребец...

Я же еще и виноват? Ну и ну. Зевнув так, что едва не вывихнул челюсть, спросил:

– Козу-то где сперли? Отцу твоему лошадей мало, за коз принялся?

– Чего это – сперли? Если цыгане, так только крадут, да? Сама она пришла, еще по осени, и с козленком, – недоволь-

но сказала Папуша, принимаясь одевать на себя многочисленные юбки. — И как их не съели-то по дороге? Лучше бы ее волки загрызли, вместе с выродком, хоть кому-то радость. Корми ее теперь, дои. И капризничает — что не по ней, сразу орет — бе-бе-бе, или ме-ме-ме. И чистюля, словно не коза, а графиня. Попробуй-ка в пойле руку обмочи — жрать не станет, жопу выставит, и копытом бьет. А козленок козлом стал, чуть что — бодаться лезет. Этак всех посетителей отгонит. И воняет, словно рыцарь в походе.

— На мясо пустите, и козла, и козлуху, — хмуро посоветовал я, пропуская мимо ушей гнусные намеки. Уж кто-кто, а я, как рыцарь, не пахну и в походах стараюсь мыться почаще. А цыгане тоже не ландышами пахнут.

— На мясо?! — всплеснула руками Папуша. — Тебя самого надо на мясо пустить! Что с тебя взять? Гаджо, он и есть гаджо. Мне теперь есть с кем добрым словом перекинуться, а ты — на мясо пусти. Да мне Биля словно сестра родная, или подруга! Я ей говорю, а она все понимает и отвечает, только по-своему. Дадо иной день слова не молвит, сидит, молчит и в стенку глядит. Я его как-то раз сама хотела отправить коня скрасть, да куда ему, старый стал. А козел, — засмеялась цыганка, — как-то дадо так боднул под зад, что тот улетел. Но сам виноват — он при Биле меня ругать стал, а козел защищал. Дадо за палку схватился, отходил козла, а тому неймется, все равно бодаться бросается. Дадо его тоже хотел на мясо пустить, да я не дала. Потом помирились,

оба довольны. Точно – старый да малый.

Вот и пойми этих женщин. И блеет коза – плохо, спать мешает, и капризная, а лучше ее все равно нет. То она нехорошее слово с рогами, то сестра родная. Зато козел правильный – цыгана бодает. Зарке полезно, чтобы ему раз-другой под зад дали.

Папуша ушла доить козу. Я попытался заснуть, задремал даже, а сквозь дрему в башку пришла шальная мысль – а не взять ли цыганку домой? Вон, барон Кренек, хоть и насквозь благородный, а открыто держит любовницу, не считая служанок, а супруга, как и положено верной жене, всегда держит в спальне кувшин с теплой водой, чтобы омыть усталому мужу руки и чресла. И все баронессу хвалят за ее мудрость и понимание. Уже знаю, что в Силингии мать перед свадьбой дает напутствие дочери – мол, ты выходишь замуж, приобретаешь господина. Тебе очень повезет, если он будет хорошо к тебе относиться, но может так получиться, что твой муж будет скрягой, либо мотом.

А про измены мужа никто ничего не говорил...

Но только представил встречу Кэйтрин и Папуши, а потом действия баронессы Выксберг, не только дурные мысли ушли, но и сон слетел сразу. Войну я еще переживу, но недовольство Кэйтрин – это вряд ли. Нет уж, нет уж, я для себя давным-давно решил, что законной супруге изменять не стану. Но мы с Кэйт не женаты, значит, до свадьбы еще немножко можно. Да, а кто в этом виноват? Разумеется, наш па-

тер, со своей дурацкой епитимьей.

Встав на ноги и одевшись, с неудовольствием обнаружил, что Зарко и мой слуга еще спят. Ну ничего себе! Я здесь бодрствую, а они дрыхнут? Подъем, золотая рота! И где, спрашивается, мой завтрак?

Все, кроме меня, за ночь отдохнули и выспались. Эх, стар я уже для бессонных ночей, стар... Хотя, если честно, понравилось, и доспехи теперь садятся на поддоспешник плотно, но не жмут. Но от второй такой ночи воздержусь, иначе придется поддевать под панцирь два поддоспешника, а это в бою неудобно. Надо перекусить и ехать.

Когда трогались, сверху донеслось бляение. Невольно обернувшись, увидел, – коза стоит на задних ногах, вытянув морду в сторону солнца, вылезавшего из-за Черного леса. Верно, желает первая поздороваться со светилом. Я показал нахальной скотине кулак, прошипев под нос заученное словечко, а она ответила ехидным бляением. Не знаю, кем рогатая животина меня обозвала, но Гневко, лучше меня понимавший ее речь, тоже гнусно заржал. Так что, последнее слово осталось за скотиной.

Нет, по ночам надо спать. Не мудрствуя лукаво, я перебрался в телегу, укрылся сеном, а Гневко пошел следом, недовольно фыркнув – мол, я это сено есть стану, а ты в него ноги суешь.

Перед тем как заснуть, подумал, что если за Шварцвальдом появятся постоянные дворы, какие-нибудь деревни, то

лучше бы обменять, даже с доплатой, пейзажную кобылу на коня, способного ходить под седлом, а иначе, со скоростью телеги добираться до Силинга будем недели две.

Снилась какая-то дрянь – Папуша, пеленавшая цыганенка, как две капли воды похожего на Зарко-цыгана, только маленького и приговаривавшая – вот, папка вернется, ты у него гнедого украдешь; Марта, обучавшая маленькую дочь метать ножи в человека, прикованного к позорному столбу. Не удивлюсь, если в колодки закован именно я. Не дожидаясь, пока приснится сын герцоги, натравливающий на меня собак, я проснулся.

Если кто спросит, что я чувствую, понимая, что где-то растут мои дети, то честно отвечу – ровным счетом ничего. Нет во мне ни чувства вины и отцовские чувства тоже глубоко спят. Какие чувства могут быть к детям, которых я никогда в глаза не видел?

Еще в голову пришла мысль – а зачем я понадобился герцогу? Но эти мысли, как показывает опыт, бессмысленны. Как ты голову не ломай, не фантазируй, а реальность будет совсем иной, нежели ты ее себе представляешь.

Выгнав из тела холод, сковывающий все члены, осмотрелся. Похоже, мы же уже к Шварцвальду подъезжаем. Только проснулся, а уже скоро снова придется становиться на ночлег.

Дорога вывела на знакомую поляну. Снега почти нет, земля промерзшая, черная, с буро-зеленой травой, пожухлой

от холода, место легко узнать. Вон, там развернулось сражение с рыцарями Силлинга, а вот и наше кострище. Здесь останавливались гномы (кофе, кстати, у них замечательный, надо еще купить), а кострище после себя не оставили, молодцы, все присыпали, угольки собрали. И по-прежнему, словно часовые, вокруг поляны стоят деревянные кресты – изрядно покосившиеся, поросшие мхом, но хранившие от всякой напасти. Если поискать, отыщу братскую могилу жандармов, которых мы с цыганом убили, я для нее собственноручно крест делал. А под теми березками, из которых соорудил крест, отыскал медный панцирь рыцаря Йоргена...

Но на могилу я не пошел. Что мне там делать? В храм я уже сходил, за души усопших помолился, патеру исповедался. Покойников не боюсь, а терять время – нелепая трата времени.

Пока Генрик распрягал кобылу, возился с телегой, сеном, я успел расседлать Гневко, нарубить сушняка и разжечь костер. Сходил к ручейку и набрал воды. Утверждая котелок на огонь, услышал:

– Господин граф, а чё это вы всё сами-то?

– Делом лучше занимайся, а глупые вопросы задавать потом станешь, – хмыкнул я, вспоминая, где и в каком мешке у нас припасы?

– Так я уже все сделал, – деловито отрапортовал слуга. – Лошадок напоил и накормил. Может, лучше я сам кашу сварю? Вы все-таки граф, вам нельзя.

Сам так сам, я разве против? Тем более, что готовить терпеть не могу. Вот, разве что яичницу сделать могу, и неплохую. Уступив парню право кашеварить, спросил:

– Генрик, а откуда ты знаешь, что можно делать графу, а что нет?

– А Томас сказал, что лучше вас к котелку не допускать, – бесхитростно отозвался парень, промывая крупу. – Дескать, если господин граф возьмется кашу варить, то она у него обязательно подгорит, да еще и посолить он ее забудет... Ой, – спохватился Генрик, – простите, господин граф.

Вспомнив, как варил кашу – забыл промыть пшенку, а потом еще и половину спалил, я захохотал. Еще бы, если я варил пшенную кашу первый раз в жизни? Вот ведь, старина Томас, все он запомнил, хотя и валялся раненым. Отсмеявшись, поинтересовался:

– Что еще про меня Томас сказал?

– Сказал, чтобы я шнапс и пиво при вас не пил, и сырую воду из ручья не хлебал, дескать, вы это не любите, – сообщил слуга, засыпая в кипящую воду крупу.

Хм, вон как надо кашу варить. А я ее холодной водой заливал, а потом на костер ставил. Наверное, оттого моя каша и горчила? А про сырую воду с парнем разговоры вести не стану, не поймет, что из-за воды можно не просто заболеть, а умереть. Пусть думает, что мне не нравится. Шнапс и пиво при мне пить нельзя, а без меня можно? Ну, старина Томас, научишь ты молодежь, а мне еще с ней до столицы

ехать.

– А еще старый сказал, что рука у вас очень тяжелая, – вздохнул Генрик. – Коли что не по нраву – разговоры вести не станете, а просто в ухо дадите.

Ничего себе, каким злодеем меня старик обрисовал. Можно подумать, что я только и делаю, что всем по ушам бью. Томас, скажем, ни разу от меня в ухо не получил. Но заранее радовать парня не стоит, ему вредно.

– В ухо я своим слугам никогда не бью, – хмыкнул я. – Стукнешь, а у него барабанная перепонка лопнет, оглохнет. И на хрен мне глухой слуга нужен? А про шнапс Томас сохрал. Его не только при мне нельзя пить, и без меня. Можно, если я сам разрешу.

Покамест, парнем я доволен. Коней обиходил, кашу сварил вкусную, воду пил кипяченую, ночлег обустроил, превратив место под телегой в маленький.

И ночью ничего страшного не приснилось – ни убитых жандармов герцога Силинга, ни загубленных диких собак. Вообще, покойник явился мне один-единственный раз в жизни и то, нищий бродяга, случайно убитый мной во время побега с каторги. Но этот старик, меня спас, а не погубил. Правильно говорят мудрые люди – у мертвецов совсем другие заботы и интересы, а такая мелочь, как месть живым, их не прельщает.

К тому времени, когда я проснулся, слуга успел накормить и напоить лошадей, и варил кулеш. Я даже начал думать,

что существуют на свете идеальные слуги. Или все-таки нет? Ладно, посмотрим, что не так у моего Генрика.

А что «не так», выяснилось достаточно скоро. Среди пейзажей редко находятся охотники, а коли такие и есть, не сознаются, но вдруг парнишка умеет стрелять из лука?

– На охоте приходилось бывать? – поинтересовался я. Видя, что парень мнется, поощрительно улыбнулся. – Говори, ничего страшного. У меня у самого лесов нет, а если ты на стороне браконьерствовал, никому не скажу. Ты из лука предпочитаешь дичь бить, или с рогатиной?

– Я, господин граф, крови боюсь, – чистосердечно признался Генрик. – Даже куренку голову не отрублю, без чувств падаю. Мамаша, если свинью колоть нужно, к соседу ходила, а курам сама головы отрубала.

Вот те на... Бывают, конечно, такие люди, но очень редко.

– А в смысле подраться? Вон, какой ты здоровый...

– Не знаю, не пробовал, – вздохнул Генрик.

Не пробовал? Вот в такое не поверю. Не бывает так, чтобы дети росли, и не дрались друг с другом. Уж на что я, выросший среди нянек, гувернеров и воспитателей, умудрялся подраться даже с детьми лакеев и садовников, а когда был помладше, хаживал и с разбитым носом, и синяками. Отец говорил – мол, если граф хочет драться, деритесь с ним всерьез, без поддавков. А те и рады были наподдавать возможному наследнику престола.

– А тебя самого в детстве не колотили? – хмыкнул я,

и подначил. — Наверно, ты постоянно битым ходил?

— Не-а, ни разу. Соседи меня в обиду не давали, не разрешали бить, мол, нельзя такого телепня бить, добрый слишком. Да и мать побаивались.

— А кто у тебя мать? — насторожился я. Может, ведьма или колдунья? Чего не надо мне в дороге, так это балованного сына ведьмы. Прибью ненароком, а мамаша заколдует.

— Мать у меня — повивальная бабка, — с гордостью сообщил Генрик к моему облегчению. — Она у половины деревни роды принимала, как после этого меня бить? И бабка моя — все повитухами были, а вот матери не повезло, парень родился, я, то есть. А парню повитухой зазорно быть.

Генрик вздохнул. Неужели расстраивается, что не родился девкой и не смог стать повитухой? В Швабсонии я видел мужчин-лекарей, принимавших роды, а в Силингии этим занимались исключительно женщины.

— А сам ты лекарем стать не хочешь? — поинтересовался я, в надежде услышать, что мать научила его распознавать травы, полезные для души и тела, а еще способам врачевание ран, что для меня стало бы очень полезным, но ответ был неутешительным:

— Лекарем? Не-а. Там тоже крови много бывает, особенно, если жилу отворяют. Видел я как-то, потом два дня пластом лежал. Я конюхом хочу стать. Мне Томас пообещал — как только помрет, вы меня на его место возьмете.

Весело. Крови он, видите ли боится. Стало быть, если ме-

ня, не дай бог, ранят, то мой слуга, вместо помощи пластом ляжет? Ну, старый Томас, удружил...

— А как ты конюхом собираешься стать, если крови боишься? У лошадей всякое случается — и ноги они ломают, и раны получают, и сами подраться могут, — хмыкнул я. — Видел хоть раз, как жеребцы друг дружку кусают?

Я не стал говорить, что в жизни бывает так, что коня приходится добивать, чтобы не мучился. У меня самого — тьфу-тьфу, подобного еще не происходило, но все может произойти.

— Коняшки, это другое, — выдохнул Генрик. — С коняшками я ничего не боюсь. Ни крови, ни навоза. Коня, они же лучше людей, и кровь у них иная. Чего бояться?

Что ж, принимаем за данность. Генрик много на что способен. Но воевать или лечить он не сможет. Значит, ищем положительные стороны. Впрочем, если понадобится, я смогу нанять прислугу и в Силинге. А кто сказал, что мне понадобится слуга-воин, или слуга-лекарь? Может, и бед никаких не будет, к чему себя накручивать раньше времени? А конюх, он всегда пригодится, хоть дома, хоть на войне.

Глава пятая

Накидка с гербом

Когда отъезжали от поляны, мы с Гневко принялись осторожничать – с рыси перешли на шаг, сообразный ходу телеги. Время от времени я озираясь по сторонам, словно деревьев раньше не видел, а гнедой, чаще, чем обычно, глубоко вдыхал морозный воздух.

Если гнедой учуял плохое место раньше меня, то ненадолго – на полминуты, не больше. Гневко стукнул копытом и застриг ушами:

– Иго-г-о.

Можно подумать, я сам не понял, что пяточок, где дорога проходит вдоль пологого склона, заросшего старыми соснами и тополями – идеальное место для засады. А птиц, встревоженно круживших над головами злоумышленники, как любят писать о том авторы романов, не было и в помине. Настоящая засада устраивается загодя, чтобы лесные птахи успокоились, уgomонились и не выдавали присутствие человека.

Есть, говорят, такие люди, что нюхом чуют засаду, умудряясь по запаху определить количество сидевших в ней злоумышленников. Но у меня нос обычный и Гневко здесь подсказать не может. Он все-таки конь, а не охотничья собака.

Предупредил, что не нравится место, уже спасибо.

– Доставай арбалет, – приказал я слуге и тот вытащил из-под сена подарок Томаса – деревянную дуру, из которой старик сам себя подстрелил позапрошлым летом.

Пальнуть, что ли в сторону елей, чтобы у злодеев нервы сдали? Пожалуй, не стоит. Незачем переводить арбалетный болт. Не знаю как, но нутром чую, что там уже никого нет.

Я спешил, на всякий случай обнажил меч, осмотрелся и, выбрав место, куда уселся бы сам, прошел за разлапистую ель, скрывавшую полянку.

Засада здесь точно была, и те, кто в ней сидел, ушли недавно. Вот, здесь топтались люди, а там стояли лошади. Увы, снега нет, а подмороженная земля следов почти не оставила. Хотя, кое-что высмотреть можно – кучи еще дымящегося лошадиного навоза, несколько кучек человеческого дерьма, подсказали, что ждали долго, не меньше суток, коли успели все здесь засрать, но и не больше, иначе бы развели костер, хотя бы и небольшой, чтобы погреться по очереди.

Засада... Вот, на кого только? Себя, как объект для нападения отмечаю сразу – кому я нужен, да и кто мог узнать, что поеду здесь и сейчас? На купцов? Вполне возможно, но на обозы не охотятся наобум. Засядешь, так можно прождать и до бесконечности. Купцов «пасут», «вываживают» в течение недели, а то и месяца, наблюдают за ними, передают по цепочке, а уже потом нападают. Чаще всего в обозах имеются наводчики, или разбойники оставляют сообщников

на постоянных дворах, чтобы передавали весточки в лес, к тутошним «добрым малым». Да и классические разбойники, живущие круглый год в лесу – редкая штука. Нет, нынешние грабители предпочитают жить дома, в тепле, рядом с женой, мыться хотя бы раз в месяц, а выходят на «промысел» лишь тогда, когда твердо знают, что добыча идет прямо в руки.

Купеческие караваны здесь ходят редко, предпочитая дальнюю дорогу, ибо репутация Шварцвальда пока остается скверной, а тех, кто не боится пройти через Черный лес, останавливать себе дороже. Видел я обоз гномов – от эскадрона отмахнутся, а не то, что от каких-то лесных бродяг. Так на кого устраивали засаду? Крутится в голове одна мысль, но если она верна, значит, дела в герцогстве очень хреновы.

– А... ме ... т-а-мм... – услышал я рядом.

Мой слуга, встав на телегу во весь рост, принялся размахивать руками и о чем-то говорить, но получалось плохо.

– Четко скажи, а не блей! – рявкнул я так, что откуда-то сверху упала испуганная белка, а мой слуга едва не брякнулся оземь. Пришлось понизить голос, и уже ласково попросить: – Генрик, дяденька добрый, бить он тебя не станет, но ты расскажи, что увидел?

Слуга вообще впал в ступор, пришлось его малость потрясти, и только тогда он сумел взять себя в руки и ответить нормальным голосом, указывая в сторону:

– Вон, тамotka, господин граф, смотрите.

М-да... Не люблю ошибаться, но это как раз тот случай,

когда хотелось бы оказаться неправым. Увы, но я снова был прав, потому что засада организована на гонца герцога Силинга. Вот и он сам – привязанный к дереву, а на ветвях уже сидят мудрые нахохлившие вороны, в ожидании, когда живые уйдут.

Тело еще не успело остыть, хотя на холоде кровь остывает быстро. Умер гонец час, от силы, часа два назад. Написал бы, что в глазах застыл ужас, но глаза выколоты, лицо в порезах и ссадинах, одежда в крови. Пальцы почерневшие, переломанные. Похоже, парня жестоко пытали, потом убили ударом в сердце. Еще и ограбили. Карманы вывернуты, сапоги сняты, оружия нет. И не хватает сюрко. Стало быть, не случайные разбойники. Ткань, должно быть, пропиталась кровью, и не годится даже на половую тряпку. А коли и годится, так дураков нет таскать с собой черно-белую накидку с гербом Силинга. Скорее всего, сюрко убийцы прихватили с собой, в качестве доказательства.

Какую тайну пытались выяснить? И задаваться вопросом – выдал ли гонец тайну, нет ли, глупо. Разумеется, выдал. Допускаю, что существуют на свете люди, стойко переносящие истязания, но сам я за всю жизнь таких не встречал. Но неужели вызов в столицу малоизвестного Артакса, такая тайна, за которую убивают?

А главное – зачем убивать? Что, о приказе Силинга нельзя было узнать от какого-нибудь писаря, от герцогской фаворитки, или от конюха? И во что такое меня впутывает мой

сюзерен? Здесь пахнет, как минимум, заговором против правящего герцога. Один уже был, когда попытались избавиться от наследника. И что, уже второй? Ну, пусть оммажа я герцогу не давал, но что это меняет? Раз не отказался от титула, стало быть, я теперь вассал герцога с потрохами и мне придется защищать интересы своего сюзерена. Коли так, придется везти мертвеца в столицу.

– Генрик, иди сюда, – позвал я слугу. – Когда парень на негнущихся ногах подошел, кивнул. – Перерезай веревки.

На слугу было больно смотреть, но он делал успехи. В обморок не упал, истерику не устроил.

Труп гонца мы уложили на телегу, прикрыли рогожей, а сверху еще и сеном. Ни к чему, чтобы все видели мертвеца. Вполне возможно, что злоумышленников не трое, а больше.

Мой возница собирал иней с деревьев, тер руки о замерзшую землю, тихонько скулил. Смеяться над парнем не стал, понимаю, как тяжело дотрагиваться до покойника, ощущать на своих ладонях холод и липкую кровь. Самому когда-то было неприятно, но ничего, попривык, да и перчатки завел. Вот, доедем до ближайшего колодца, или наткнемся на ручеек, то руки вымоем с мылом. А потом и одежду постираем. Но все потом.

Чтобы отвлечь парня от мрачных мыслей, спросил:

– Увидел что-нибудь любопытное? Ну, следы какие-нибудь?

– Про людей ничего не скажу, не знаю, – вздохнул Ген-

рик. — Но коняшек здесь вначале три было, потом четыре.

Все правильно. Трое убийц и трое коней. Четвертая лошадь гонца.

— Молодец, — похвалил я парня. — Что-нибудь еще?

— У четвертой лошадки нога болит.

— Нога болит? — не понял я. Кажется, сам неплохо разбираюсь в конях, но определить по следам, болит ли у лошади нога, я бы не смог.

— Вот глядите, господин граф, — оживился Генрик, указывая на два серебристых тополя по краям дороги. — Вон там веревка была натянута.

И впрямь... Если как следует присмотреться, можно заметить, что в паре футов от земли кора дерева слегка потеряла. Я бы и не заметил.

Веревка, натянутая между деревьев, всадник, вылетевший из седла... А даже если не вылетел, удержался в седле, то все равно, убийцы получили дополнительный шанс. Грамотно все рассчитали, сволочи.

— Так может и ничего, и не ушибся конь, — попытался я утешить Генрика. — Споткнулся, вот и все.

— Может, — вздохнул слуга. — Но все равно, жалко коняшку.

Да, жалко. Гонца тоже жалко, но он человек.

— И вот еще что, господин граф, — вспомнил вдруг Генрик. — У одного коня подкова болтается.

— Как это ты понял? Земля промерзшая, снега нет, — на-

хмурился я.

– Я там ухналь нашел. Вот, смотрите.

Ухналь, сиречь гвоздь для подковы, рассматривать я не стал, поверю на слово. Что я, ухналей не видел? Не факт, что подкова разболталась, в нее засаживают и шесть, а то и восемь гвоздей. А коли и разболтается, что это нам даст? Даже если бы я помчался ловить убийц прямо сейчас, их уже не догнать. У них фора в пару часов, а наша скорость – скорость телеги, в которую запряжена рабочая лошадь. Что же, доедем до столицы, сдадим труп гонца, имени которого я не знаю, а там пусть герцог сам разбирается, дает поручение капитану дворцовой стражи, моему знакомцу фон Шлангенбургу.

От места гибели гонца мы поехали еще медленнее, чем раньше. Казалось, телега потяжелела в несколько раз, да и не полагается с покойником быстро ездить.

Составить представление о стране можно по рассказам бывалых людей, по книгам и картам, но лучше, если самому, разочек-другой проехать ее из конца в конец. В Урштадте у гномов я приобрел карту Силингии – не очень понятную, с чужими условными обозначениями, дорогую. Расспрашивал купцов и бродячих ремесленников, бывавших в других частях нашего герцогства, сопоставлял и, даже умудрился нарисовать собственную карту. Теоретически, смог бы пройти по Силингии с помощью самодельной карты, но вспоминая свой собственный опыт воинского начальника, имев-

шего схемы, составленные разведчиками и, оказывавшиеся абсолютно несоответствующие реалиям, понимаю, что пока не померяешь землю собственными ногами или копытами коня, то страну ты так и не узнаешь.

Урштадтские земли, прикрытые Шварцвальдом, были лишь частью Силингии и, не самой большой. Дорога, по которой мы ехали, вливалась в широкий тракт, как ручей соединяется с полноводной рекой, куда вливаются десятки других дорог.

Пока выбирались на тракт, у меня было время заняться самокритикой. Начнем с того, что граф я неправильный. Тащусь рядом с простой пейзажной телегой, в которую впряжена кобылка, хотя по своему статусу положена свита. Пусть не такая, как предписывают правила, гласящие, что рыцарь в дороге обязан иметь двух дорожных коней, одного парадного, и пять боевых, а с ними оруженосца, а лучше – двух, а еще трех-четырех конюхов, не считая личной obsługi. И у каждого должны быть лошади. Разумеется, никто подобной толпой не ездил. Большая свита за неделю пути сожрет доход поместья за целый месяц, не говоря о том, что приобрести столько лошадей сумеет не каждый граф, не говоря уже о простом рыцаре. Если оценивать стоимость лошадей не сообразно деньгам, а по стоимости быка, получается, что дорожный конь равен двум быкам, парадный – трем, а боевой аж четверем! Разоришься, и не заметишь.

Но все-таки, следует иметь двух коней, и двух верховых

спутников, выполнявших обязанности слуг и телохранителей. И если я о том не задумываюсь, то об этом помнят мои «собратья» – хоть титулованные, хоть нетитулованные рыцари, для которых субъект, вроде меня, путешествующий в одиночку (не считать же возчика за сопровождающего?) непонятен, а если учесть наличие превосходного гнедого, стоящего не меньше шести быков, может послужить добычей.

А ведь я, как сейчас помню, собирался обзавестись собственным войском. А потом подумал – а с кем я стану воевать и, на хрена кормить дармоедов, отрывая деревенских парней от сохи? Армию не заводят для собственного удовольствия, должна быть определенная цель и конкретный противник. А у меня нет ни воинственных соседей, собирающихся оттяпать надел, ни крепостных крестьян, угрожавших восстанием. Спрашивается, для чего? Отвечаю – хотя бы для того, чтобы в случае надобности, взять в дорогу не слугу-добряка, а пятерку воинов, не боящихся крови.

Нет, по возвращению домой точно заведу себе личную дружину, человек этак с дюжину. Деньги есть, могу себе позволить содержать целую сотню бездельников и, делать мне нечего, буду их потихонечку муштровать, обучать владению оружием, верховой езде. И дом прикажу обнести стеной, выстрою башни, выкопаю рвы. Пусть мои ратники несут службу и заступают в караулы, играют вместе со мной в войну. И никого моя дурость не удивит, раз есть деньги, имею пра-

во.

Вот и еще одна миля позади, и показался постоянный двор, обросший строениями. Это уже не просто дом для усталых путников с парой сараев, а небольшое селение. Гостиницу Зарко-цыгана (если он не заскучает на одном месте, и не сбежит), ждет та же судьба. Через полгода рядом появится кузница, потом какая-нибудь портомойня, а там одна лавчонка, вторая, третья и рядом с проклятым лесом вырастет городок, начало которому положил конокрад. Забавно. Но часто так и бывает, что города основывают не герои, а какие-нибудь разгильдяи и преступники, вроде цыгана.

У коновязи четыре лошади с аппетитом хрумкали овес. Неужели убийцы здесь? Впрочем, почему бы нет? Дело сделали, теперь хочется перекусить. И про погоню они и ведать не ведают.

Я спешил, кинул поводья выскочившему откуда-то чумазому мальчонке, кинул ему монетку:

– Привяжешь, а потом сгинь куда-нибудь подальше, чтобы тебя здесь никто не видел.

И тут Генрик заорал громким шепотом, указывая пальцем на копыто одного из коней:

– Вон, у того мерина подкова слетела.

Надо бы похвалить парня, но тыкать пальцем – неприлично, так что обойдется без похвалы.

– Стой здесь, – приказал я слуге и кивнул на охапку поленьев, лежавших у входа. – Если кто выбежит, бей его по баш-

ке. — Уже берясь за ручку двери, уточнил. — Если выбегу я, меня бить не надо.

Надеюсь, справится и ничего не перепутает.

В трактире почти пусто, за исключением одного стола, занятого тремя молодыми мужчинами — двое лицом к входу, один спиной. Одежда не новая, но добротная, плащи без заплатак и штопки. Посетителей можно бы принять за приказчиков, если бы не мечи, висевшие на поясах. Меч не каждому купцу по карману, не то, что их подручным.

Троица дружно обсасывала косточки, выплевывая их прямо на стол, запивая еду пивом. При появлении чужака слегка насторожились, скользнули взглядом по мне, особое внимание уделили плащу, под которым угадывался меч.

Подойдя к «приказчикам», я посмотрел на их миски, принюхался и спросил:

— Рагу из баранины?

Может, это и не они? Ладно, потом извинюсь, если ошибся.

Не дожидаясь, пока сидевшие за столом начнут хамить, посылать нежданного гостя подальше, левой рукой ухватил за волосы того, кто сидел поближе, ткнул его мордой в рагу, подержал там немного — мне хотя бы один «военнопленный» нужен для допроса, а правой метнул кистень, проламывая череп сидевшему с края.

Третий «приказчик» вскочил, заметался, пытаюсь выбраться, запрыгнул на стол и, на ходу вытаскивая меч, ри-

нулся на меня.

Молодец парень. Быстрый. Или, как говорит один мой знакомый – стремителен, как понос! Жаль только, не повезло. Споткнулся на чем-то скользком, запутался в собственном плаще, полетел носом вниз, любезно подставив затылок под удар.

Вывод напрашивается сам собой – даже если хотите иметь место для обзора, не забивайтесь туда, откуда трудно вылезти. И не устраивайте свинарник на столе, вам же хуже.

Что-то под моей левой рукой стало слишком спокойно – человек не пытается вырваться, не елозит.

Орфоэп твою в душу талер и два хромых цыгана в придачу! Острая косточка вошла прямо в глаз, и дошла до мозга. Не везет мне, лишился пленного.

Вся троица мертва, а все доказательства преступления – подкова. М-да... Ну, извините ребята, если ошибся.

Я перевел взгляд на стойку, за которой насмерть перепуганный хозяин, вооружившийся тесаком, собирался отстаивать свою жизнь. Откинув полу плаща, я похлопал по эфесу меча, заодно продемонстрировав серебряный дворянский пояс.

– Эй, любезный, убери свинорез, и пойдем со мной, – кивнул я на выход, а когда хозяин замешкался, повысил голос: – Тебе помочь?

Входную дверь открывал осторожно, посматривая, чтобы Генрик с перепугу не огрел поленом. Добряки они все та-

кие – вначале бьют, а потом сожалеют.

Мой слуга, честно прождавший на улице, с поленом наперевес, обрадовался, завидев меня. Дав парню отмашку – мол, бить никого не надо, подвел хозяина постоянного двора к телеге, разворошил сено и, откинув рогожу, показал лицо мертвеца.

– Узнаешь?

Даже если гонец и останавливался на постоялом дворе, узнать его теперь трудно, но хозяин, всмотревшись, пробормотал:

– Узнаю... Гонец Его Высочества герцога. Господи, кто же его так? Останавливается, останавливался, то есть, у меня, если в Урштадт скачет... скакал, а потом назад. Поест, чарку шнапса пропустит, а как лошадь отдохнет – снова в путь.

– Ага, – рассеянно кивнул я, жестом подзывая слугу. – Генрик, седельные сумки осмотри. Знаешь, что искать? Вот и ладно. – Озадачив парня, повернулся к хозяину. – Тебя как звать-то?

– Тормош, ваша милость, – отвечивал хозяин.

– А меня зовут господин Артакс, – представился я. Хмыкнув, решил уточнить: – Можешь именовать меня попросту – господин граф. И что, любезный Тормош, ты мне про ту тропицу можешь сказать?

– А что говорить-то? – не понял хозяин.

– Кто они такие? Чьи о люди? – терпеливо уточнил я.

– Ваша Светлость, не знаю, – замотал хозяин башкой. –

Я ни имен не знаю, и ни того, кому они служат. Кто мне докладывать-то станет?

Светлость, оно конечно приятно, но я не Светлость, а только Сиятельство. Возможно, дядька и не врет.

– Тормош, если ты мне соврал... – начал я, собираясь сказать – мол, в этом случае тебе будет плохо, но пугать людей не люблю, потому сформулировал по-другому: – Так вот, сам подумай, что будет, если ты мне соврал, а на самом-то знаешь, чьи это люди... Гонца я нашел неподалеку от твоего постоянного двора. Понимаешь?

Я малость приврал, но это для пользы дела. А Тормош мужик тертый, понимает, что убийство гонца – очень серьезное преступление. Гораздо хуже, нежели убийство жандарма или сборщика податей. А коли тело герцогского гонца отыщется близ селения, а убийца не найден, то герцог народ казнить не станет, но зато он вправе сжечь все дома, а пепелище посыпать солью.

Надо отдать должное Тормашу. Дядька побледнел, но на колени падать не стал. Осеняя себя крестным знамением, сказал:

– Господин граф, чем угодно клянусь, не знаю. Этих людей я второй раз в жизни вижу. Первый раз дня четыре назад были, очень рассерженные, на меня наорали, Юшку – это конюшонко мой, вон, сейчас за соломой прячется, ни за что, ни про что стукнули. Вроде они куда-то опоздали, кого-то не встретили, но не знаю и врать не стану. А куда потом

уехали, не сказали, да я и не спрашивал. Сегодня приехали, довольнехоньки. А кто такие, как звать, я не знаю. Мне-то до этого какое дело?

– Господин граф, нашел! – донесся ликующий голос Генрика. – Как вы и сказали – в сумке лежала.

Слуга гордо взмахнул побуревшей накидкой с гербом герцога. Ишь ты, и в обморок не упал. Значит, та троица, и на самом деле убийцы. И зачем это я извинялся?

Глава шестая

Рассуждения о трофеях

Живых допросить не удалось, поглядим, о чем может рассказать покойник? Не так и много, но кое-что. Во-первых, троица не производит впечатление ни псов войны, ни случайных бандитов, нанятых для выполнения конкретного преступления. Волосы подстрижены, бороды подбриты, белье сравнительно чистое. И одежда, словно бы сшита у одного портного – ткань схожая, и фасон. Скорее всего, доверенные слуги, проживающие при каком-то владетеле, либо воины личной дружины. Вот этот, лет около сорока, с приметным шрамом пониже левого глаза, старший. Он и сидел у стены, но с краю, и кроме ножа на поясе, имел еще и кинжал – дорогой, рукоять и ножны украшены позолотой. Кажется, я его раньше уже где-то видел. Да, у герцогского гонца, вспомнил. А кто забирает себе дорогое оружие? Главный, кто же еще. У гонца на боку болталась еще и шпага, но здесь ее нет. У этого же, со шрамом, у единственного имелся стальной меч, у остальных простые, кованные из железа.

Что же, мертвецы рассказали не так и много, но и не мало. Приметы я запомнил, возможно, герцог Силинг расскажет побольше. Тот, что со шрамом, не просто слуга, или ратник,

а доверенное лицо кого-то могущественного, желающего потягаться за власть в герцогстве.

Мертвецов, раздетых до нижнего белья, вытащили из трактира, отнесли в сарайчик и аккуратно сложили рядышком. Ничего, полежат, не протухнут, зима на дворе. Народ на постоянных дворах всякое видел, покойником никого не удивишь и не испугаешь, а они сами уже никого не тронут. Главное, чтобы крысы не объели, тогда опознать сложно. В Силинг я мертвецов точно не повезу, граф Артакс с единственным слугой не похоронная команда, хватит нам и одного трупа, ежели что – герцог за остальными кого-нибудь пришлет.

Вообще, первая мысль была такова – бросить телегу здесь, на постоялом дворе, перекинуть труп гонца через седло, а потом, меняя коней, галопом нестись в столицу. Но пораскинув мозгами, решил, что мчаться, сломя голову, смысла нет, нигде не горит. В Силинге заказчик убийства ждет исполнителей, так и пускай ждет, зачем устраивать панику раньше времени? Сегодняшний день все равно потерян, пара часов в дороге мало что даст, а потом сумерки. А на хрена ночевать под телегой, если есть возможность поспать в тепле, а утром, после завтрака и выехать? Поедем, как ехали, возьму с собой только лошадь гонца, а сам он, как лежал на телеге, так пусть и лежит. Остальных коней оставлю здесь, под присмотром Тормоша, денег немножко отсыплю на овес, а по возвращению заберу лошадок в Аппельгарден. Все рав-

но собирался прикупать коней для поместья, а здесь готовые и почти даром. Томасу работы прибавится, вот пусть Генрика в помощники и берет.

Стало быть, остаток дня можно посвятить осмотру трофеев.

По собственному опыту знаю, что собирать трофеи после боя увлекательное самого боя. Вот, если бы отыскать способ заполучить чужое добро, не вступая в схватку с его владельцем, это было бы замечательно. Но таким способом владеют немногие – банкиры, ростовщики и правители. Говорят, еще и цыгане, но цыган, по сравнению с ростовщиками, все-таки немного.

В походных мешках или в карманах поверженных врагов чего только не отыщешь! И в них всегда найдется что-нибудь ценное и полезное. А ненужное можно продать, в крайнем случае – подарить, потому что любая вещь кому-то необходима и всегда имеет собственную цену. В Швабсонии даже тряпки, негодные для мытья полов, подбирают и продают, потому что они годятся для изготовления бумаги, кое-кто на этом живет. Кстати, в Силингии тоже варят бумагу, стало быть, в предыдущей главе, говоря о накидке гонца, я был не совсем прав.

И уж поверьте на слово – не бывает ненужных вещей. То, что не нужно вам, позарез необходимо кому-то другому. Я как-то обнаружил среди вещей малахольного шибздика – кавалериста, пытавшегося зарубить меня, но не преуспевше-

го в этом деле, две круглые костяные рамки, вставлявшиеся друг в друга. Хотел поначалу выбросить, но решил показать полковой маркитантке – кость все-таки, а не дерево, а когда девка завизжала от радости, предложив мне за эту нелепость целый талер, решил сделать приятное женщине, просто подарив ей странную штуку. Оказывается, рамки называются пяльцы и нашей маркитантке их не хватало, чтобы стать добропорядочной и замужней женщиной, а и всего-то надо было показать будущему супругу – долговязому Францу из соседней роты, свои навыки рукодельницы и вышить какую-то сентиментальную хрень на салфетках, после чего тот обещал отвести ее под венец. Свадьбу назначили через неделю, и семь дней, (точнее – ночей), маркитантка благодарил меня за подарок. Слышал, что живут они с Фрицем счастливо, кучу детишек нарожали. А что бы было, если бы выкинул рамки? Так что, ненужная для меня вещь составила счастье двум любящим сердцам, да еще и ребятишек произвести на свет помогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.